

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 184

18 августа 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием адвоката А., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе П. от 01 апреля 2026 года (вх. № ... от ...) в отношении адвоката А. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 17 июня 2026 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 3, 4, 5, 6 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, исполнении адвокатом А. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившемся в том, что при вступлении в уголовное дело адвокат А. не ознакомился с протоколом допроса П. в качестве свидетеля и иными материалами, доступными ему на момент вступления в уголовное дело; до проведения первого допроса П. в качестве подозреваемого не провел с ним конфиденциального свидания, в ходе которого не разъяснил П. его процессуальные права, включая право на приглашение защитника по соглашению, не выяснил обстоятельства его задержания, производился ли допрос П. в отсутствие адвоката, и применялись ли к нему незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий, не выяснил отношение П. к подозрению, не согласовал с П. позицию по делу, не разъяснить ему правовые последствия признания вины, а также не убедился в том, что признание П. вины совершается добровольно и не является самооговором;

2) о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 4 ст. 13, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, адвокатом А. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившемся в том, что, приняв 10 февраля 2026 года участие в качестве защитника П. в судебном заседании 3. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства органа следствия об избрании в отношении П. меры пресечения в виде заключения под стражу, адвокат А. не обжаловал постановление 3. районного суда города Москвы от 10 февраля 2026 года в апелляционном порядке;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката А. по жалобе П. от 01 апреля 2026 года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель П., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, участие в заседании своего представителя не обеспечил. По имеющимся сведениям, содержится под стражей. Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося заявителя.

Адвокат А. в заседании Совета пояснил, что с заключением Квалификационной комиссии он ознакомлен и согласен частично. Он, действительно, не обратил внимания на время составления протокола задержания и не участвовал в его составлении, так как считал, что закон этого не требует, а также не обжаловал судебное решение об избрании меры пресечения. При этом поддержал свои дополнительные письменные объяснения (вх. № ... от ... и вх. № ... от ...), в которых ссылался на то, что фактически 08 февраля 2026 года ознакомился с предоставленными следователем материалами уголовного дела, проконсультировал доверителя в условиях конфиденциальности, согласовал с последним его позицию. Судебное решение об избрании меры пресечения он не обжаловал, поскольку имел по этому поводу письменное поручение доверителя, которое утратил, в связи с чем представить его не может. Полагает, что эти нарушения связаны с небольшим стажем его адвокатской деятельности. Обязуется пересмотреть свое отношение к исполнению профессиональных обязанностей.

Рассмотрев дисциплинарное производство, заслушав адвоката А., Совет соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В 21 час 30 минут 07 февраля 2026 года следователем СО Отдела МВД России по району З. города Москвы К. в отношении неустановленного лица было возбуждено уголовное дело № ... по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ. Согласно пояснениям заявителя П., в том числе отраженным в протоколе его допроса в качестве подозреваемого, в это же время, в 21 час 30 минут 07 февраля 2026 года, он был фактически задержан у подъезда дома № 3 корпус 1 по В. проезду города Москвы сотрудниками правоохранительных органов с применением к нему физической силы и специальных средств. С 18 часов 00 минут по 19 часов 00 минут 08 февраля 2026 года П. был допрошен следователем СО ОМВД России по району З. города Москвы Г. в качестве свидетеля и дал подробные показания по обстоятельствам уголовного дела. В 20 часов 07 минут 08 февраля 2026 года следователем в АИС АПМ была создана заявка № ... для обеспечения участия защитника П. 08 февраля 2026 года в 22 часа 29 минут в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ, которая была распределена адвокату А.

В 23 часа 50 минут 08 февраля 2026 года следователем составлен протокол задержания П. в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ. В протоколе задержания указано, что П. задержан в 23 часа 45 минут 08 февраля 2026 года в СО ОМВД России по району З. города Москвы. Воспользоваться правом на телефонный звонок П. отказался. При задержании П. какой-либо защитник не участвовал.

Адвокат А. вступил в уголовное дело № ... в качестве защитника П. после его задержания в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ, предъявив следователю удостоверение и Ордер от 08 февраля 2026 года № 620. После этого, с 23 часов 55 минут 08 февраля 2026 года по 00 часов 40 минут 09 февраля 2026 года, П. был допрошен следователем в качестве подозреваемого, в 01 час 45 минут 09 февраля 2026 года ему было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, после чего с 01 часа 50 минут по 02 часа 00 минут он был допрошен в качестве обвиняемого. Согласно протоколам этих допросов, П. свою вину по существу подозрения и обвинения признавал.

09 февраля 2026 года с 16 часов 00 минут по 16 часов 50 минут между свидетелем Г. и обвиняемым П. была проведена очная ставка.

Начиная с 23 часов 55 минут 08 февраля 2026 года, во всех перечисленных выше процессуальных действиях защиту П. осуществлял адвокат А.

10 февраля 2026 года состоялось судебное заседание З. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства органа следствия об избрании П. меры пресечения в виде заключения под стражу. Постановлением суда ходатайство удовлетворено, в отношении П. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Защиту обвиняемого П. в суде также осуществлял

адвокат А. Указанное постановление суда в апелляционном порядке обжаловано не было.

Заявитель П. выдвигает в отношении адвоката А. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в том, что он конфиденциально не общался с П., консультаций с ним не проводил, не выяснял обстоятельства его задержания, в том числе – применялись ли к нему незаконные методы при задержании и первоначальном опросе; не выяснял происхождение у него ссадины на лице и свежих ран на руках; не поинтересовался, употреблял ли П. запрещенные препараты, находится ли он в адекватном состоянии; не выяснил у П., проводился ли уже его допрос в отсутствие защитника, не разъяснял ему, что тот вправе отказаться от участия в проведении следственных действий в ночное время; не разъяснил П. право пригласить защитника по соглашению;

2) во вступлении в уголовное дело в качестве защитника до истечения 24 часов с момента фактического задержания П.;

3) в подписании протоколов допроса П. в качестве подозреваемого и очной ставки между обвиняемым П. и свидетелем Г., которые фактически не проводились;

4) во внепроцессуальном общении со свидетелями обвинения Г. и М.;

5) в необжаловании в апелляционном порядке постановления 3. районного суда города Москвы от 10 февраля 2026 года об избрании в отношении П. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Адвокат А. в ходе дисциплинарного разбирательства выдвинутые дисциплинарные обвинения отрицал, признавая при этом, что при ознакомлении с протоколом задержания он не обратил должного внимания на указанное в нем время задержания и не сопоставил его с иными обстоятельствами дела в силу неопытности. Приняв в 22 часа 29 минут 08 октября 2025 года заявку на защиту П., он сразу выехал в следственный орган и прибыл туда в 23 часа 29 минут, что подтверждается представленной им справкой органа внутренних дел. По прибытии им была проведена консультация с доверителем. Он совместно с П. ознакомился с протоколом допроса последнего в качестве свидетеля, а также с постановлением о возбуждении уголовного дела. Консультация заняла примерно минут 10, и он со своей стороны разъяснил П. все, что мог, в частности, что он вправе пригласить защитника по соглашению. На это П. ответил, что адвоката у него нет, а на разъяснение положений ст. 51 Конституции РФ П. ответил, что вину признает, «все как есть, расскажет. Такова была его позиция». Он выяснял у П. время его фактического задержания, и единственное, что тот сказал: «Задержали, привезли в отдел». При этом ни времени, ни даты не назвал. Каких-либо серьезных повреждений на теле П. он не увидел, была небольшая ссадина на лице. На вопрос адвоката об источнике ее происхождения и связано ли это с задержанием П. ответил, что не связано, в связи с чем подавать какие-то жалобы не имелось оснований. После этого П. с его участием был допрошен в качестве подозреваемого и обвиняемого. Судебное

решение он не обжаловал, поскольку об этом имелось письменное поручение П. не делать этого, которое у него не сохранилось.

Рассматривая первое дисциплинарное обвинение, Совет отмечает, что положения о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих обязанностей, активном отстаивании и защите прав, свобод и законных интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») применительно к участию в качестве защитника в уголовном судопроизводстве означают активную с момента вступления в дело реализацию адвокатом полномочий защитника, предусмотренных ст. 53 УПК РФ, в частности, на свидания с подозреваемым, обвиняемым, на ознакомление с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, на ознакомление с иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому, на заявление ходатайств, на принесение жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя.

Согласно п. 3, 4, 5, 6 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (далее Стандарт; Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, опубликован на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <<http://fparf.ru>>, а также в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 2 (57)», стр. 140-142), содержащего минимальные требования к деятельности адвоката, осуществляющего защиту по уголовному делу, после вступления в уголовное дело адвокат должен разъяснить подзащитному право иметь сведение с защитником наедине и конфиденциально и принять меры к проведению такого свидания. В случае нарушения права подзащитного на свидание со стороны следователя, адвокат должен принять меры к внесению в протокол следственного действия заявления об этом нарушении (п. 3). При этом в ходе первого свидания адвокат, в числе прочего, должен разъяснить доверителю право на приглашение защитника по соглашению (пп. «в» п. 4); выяснить обстоятельства задержания, производился ли допрос в отсутствие адвоката, и применялись ли к доверителю незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий (пп. «г» п. 4); выяснить отношение к предъявленному обвинению и или подозрению (пп. «д» п. 4); согласовать с подзащитным позицию по делу (п. 5). В случае признания подзащитным вины защитнику следует разъяснить подзащитному правовые последствия такого признания, а также по возможности убедиться, что признание вины совершается добровольно и не является самооговором.

Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства и описано выше, протокол задержания П. по подозрению в совершении преступления был составлен в 23 часа 50 минут 08 февраля 2026 года в

отсутствие какого-либо защитника, тогда как уже в 23 часа 55 минут начался допрос П. в качестве подозреваемого с участием его защитника – адвоката А.

Согласно ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ в случае, если защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого, его участие в составлении протокола задержания обязательно. Учитывая данное положение уголовно-процессуального закона, а также доводы жалобы П. о том, что адвоката А. ему представили после составления протокола задержания, Совет критически относится к объяснениям адвоката А. о времени его появления в следственном отделе и, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что он вступил в уголовное дело в качестве защитника П. в промежутке 23 часа 50 минут – 23 часа 55 минут 08 февраля 2026 года. В этот же период времени следователь уведомил П. и его защитника – адвоката А. о возбуждении уголовного дела и получил от П. заявление о том, что он не возражает против проведения следственных действий в ночное время (вх. № ... от ...).

Представленная адвокатом А. справка из ОМВД России по району З. г. Москвы о его прибытии в данное подразделение в 23 часа 29 минут 08 февраля 2026 года не свидетельствует об оказании адвокатом А. юридической помощи П., начиная с указанного времени. Из нее следует лишь то, что адвокат А. в указанное время прошел в здание ОМВД России, и при этом в 23 часов 50 минут он в составлении данного протокола не участвовал и юридическую помощь П. не оказывал. Ссылки адвоката А. на то, что он фактически присутствовал при составлении протокола задержания, однако следователь не внес его данные в протокол задержания, поскольку участие адвоката в этом процессуальном действии необязательно, Совет отклоняет как откровенно надуманные и противоречащие положениям п. 3 ч. 3 ст. 91, ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом А. профессиональных обязанностей перед доверителем П., поскольку за оставшийся от указанных пяти минут (23-50 – 23-55 час.) незначительный промежуток времени между задержанием П. и его допросом в качестве подозреваемого адвокат А. ни при каких обстоятельствах не имел возможности ознакомиться с протоколом допроса П. в качестве свидетеля и иными материалами, доступными ему на момент вступления в уголовное дело, пообщаться конфиденциально с доверителем и выполнить алгоритм действий, предусмотренный Стандартом и описанный выше.

Совет также отмечает, что в подтверждение своих доводов о выполнении этих требований адвокат А. ссылается на протоколы процессуальных действий, составленных следователем, а также на разъяснение следователем Г. обвиняемому П. его права пригласить защитника по соглашению [*При этом из текста данного документа следует, что право пригласить защитника было разъяснено П. после предъявления обвинения – Примечание Совета*]. Вместе с тем, приведенные

выше положения Стандарта возлагают исполнение указанных в них обязанностей непосредственно на адвоката-защитника.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в необжаловании адвокатом А. постановления суда об избрании в отношении П. меры пресечения в виде заключения под стражу, Совет отмечает, что в соответствии с пп. 3 п. 4 абз. 1 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, «адвокат-защитник обязан обжаловать приговор, если суд не разделил позицию адвоката-защитника, а также при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам». «Отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату» (абз. 2 п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката). Вопрос о мере пресечения разрешается судом также и при постановлении приговора и является его составной частью (п. 17 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). В этой связи Совет приведенное выше требование пп. 3 п. 4 абз. 1 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката распространяется и на судебные решения по вопросу об избрании, изменении и продлении меры пресечения.

Кроме того, в соответствии с п. 9 Стандарта адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного.

Из постановления 3. районного суда города Москвы от 10 февраля 2026 года усматривается, что обвиняемый и его защитник в судебном заседании возражали против удовлетворения ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, указывали, что П. скрываться не намерен, имеет место жительства в городе Москве, просили отказать в удовлетворении ходатайства следователя и избрать меру пресечения в виде домашнего ареста по месту фактического жительства в квартире, которая принадлежит на праве собственности родителям П. Однако суд позицию П. и его защитника – адвоката А. не разделил, избрал в отношении П. меру пресечения в виде заключения под стражу.

Адвокат А. признает, что не подал апелляционную жалобу на указанное постановление суда, при этом не представил адресованного ему письменного заявления П. об отказе от его обжалования. Ссылка адвоката А. на имеющуюся в материалах дисциплинарного производства расписку П. об отказе от обжалования решения об избрании меры пресечения не влияет на оценку его профессионального поведения, поскольку данная расписка дана суду первой инстанции и в ней содержится лишь позиция о нежелании П. самостоятельно обжаловать решение суда, а не поручение адвокату А. не подавать апелляционную жалобу на него.

При таких обстоятельствах адвокат А. был обязан обжаловать постановление 3. районного суда города Москвы от 10 февраля 2026 года об избрании в отношении П. меры пресечения в виде заключения под стражу,

но не исполнил эту профессиональную обязанность, чем нарушил требования пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 4 ст. 13, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 9 Стандарта.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката А. в части рассмотренных дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его вину в указанных дисциплинарных нарушениях – установленной.

Оценивая довод заявителя об отсутствии возражений адвоката А. относительно проведения следственных действий в ночное время, Совет отмечает, что в соответствии с ч. 3 ст. 164 УПК РФ производство следственных действий в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Наличие или отсутствие таких обстоятельств определяется следователем, а не адвокатом-защитником. При этом, как указано выше, П. письменное согласился на проведение с ним следственных действий в ночное время.

Дисциплинарное обвинение во вступлении адвоката А. во вступление в уголовное дело в качестве защитника по назначению до истечения 24-часового срока с момента фактического задержания П. также не нашло подтверждения в результате дисциплинарного производства, поскольку, как описано выше и признается самим заявителем, он был фактически задержан в 21-30 час. 07.02.2026, а адвокат А. вступил в дело в 23-50 – 23-55 час. 08.02.2026, то есть по истечении 24 часов с момента фактического задержания П.

К такому же выводу Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит в отношении дисциплинарных обвинений в подписании адвокатом А. протоколов следственных действий, которые в действительности не проводились, а также в непроцессуальном общении со свидетелями. В соответствии с пп. 6, 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката лицо, требующее привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, должно не только указать в жалобе на обстоятельства, подтверждающие доводы жалобы, но также и подтвердить их соответствующими доказательствами. Вместе с тем, каких-либо доказательств в подтверждение доводов жалобы в части данных дисциплинарных обвинений заявитель в материалы дисциплинарного производства не представил.

При этом Совет обращает внимание заявителя, что все протоколы следственных и иных процессуальных действий, произведенных с участием защитника – адвоката А., были подписаны им без замечаний. Не заявил П. о каких-либо нарушениях в указанной части и при рассмотрении судом ходатайства органа следствия об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу. Адвокат А. в ходе дисциплинарного разбирательства настаивал на фактическом проведении

следственных действий с участием П., факт внепроцессуального общения с кем-либо отрицал.

При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в части указанных дисциплинарных обвинений подлежит прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката А. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их грубый и злостный характер, свидетельствующий о незнании либо умышленном игнорировании адвокатом основополагающих требований законодательства и профессиональной этики и сопряженный с наступлением негативных последствий для интересов доверителя. Такое профессиональное поведение Совет признает недопустимым для адвоката. Вместе с тем, Совет учитывает, что адвокат А. имеет незначительный (менее года) стаж адвокатской деятельности, к дисциплинарной ответственности ранее не привлекался, вину в допущенных нарушениях частично признал, обязался пересмотреть свое отношение к исполнению профессиональных обязанностей.

При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату А. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет также считает необходимым указать адвокату А. на необходимость неукоснительного исполнения законодательно установленных обязанностей адвоката постоянно повышать свои знания и профессиональный уровень, а также исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции (пп. 3 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату А. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной

этики адвоката во взаимосвязи с п. 3, 4, 5, 6 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившееся в том, что при вступлении в уголовное дело он не ознакомился с протоколом допроса П. в качестве свидетеля и иными материалами, доступными ему на момент вступления в уголовное дело; до проведения первого допроса П. в качестве подозреваемого не провел с ним конфиденциального свидания, в ходе которого не разъяснил П. его процессуальные права, включая право на приглашение защитника по соглашению, не выяснил обстоятельства его задержания, производился ли допрос П. в отсутствие адвоката и применялись ли к нему незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий, не выяснил отношение П. к подозрению, не согласовал с ним позицию по делу, не разъяснил ему правовые последствия признания вины, а также не убедился в том, что признание П. вины совершается добровольно и не является самооговором;

– неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 4 ст. 13, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившееся в том, что, приняв 10 февраля 2026 года участие в качестве защитника П. в судебном заседании 3. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства органа следствия об избрании в отношении П. меры пресечения в виде заключения под стражу, он не обжаловал постановление 3. районного суда города Москвы от 10 февраля 2026 года об избрании в отношении П. указанной меры пресечения в апелляционном порядке.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А. по жалобе по жалобе П. от 01 апреля 2026 года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков